

КАЯ ИНДУСТРИЯ

РЕПОРТАЖ

ИНЖЕНЕРЫ ИЗ БОЛЬШОГО

Вряд ли где еще услышишь такое:

— Погасите звезды!

— Уберите Луну!

— Дайте Солнце!

И гасят. И убирают. И дают Солнце...

Переступив порог объединенной дирекции Государственного академического ордена Ленина Большого театра Союза ССР и Кремлевского Дворца съездов, я прочел на одном из этажей табличку: «Технический отдел», а в этом отделе другую — «Главный инженер». Да, именно здесь прописаны волшебники.

— Раньше я работал в конструкторском бюро станкостроения, — рассказывает главный инженер А. С. Чистоклетов. — И когда мне предложили перейти в театр, откровенно говоря, я растерялся. Инженером в театр? Но когда я побывал в театре... Впрочем, посмотрите сами, какое предприятие разместилось под куполом Большого...

Быть моим гидом любезно согласилась архитектор А. И. Кузнецова. По дугообразному коридору мы вышли на сцену. На широкой площадке, где происходит самое главное таинство театра, шли подготовительные работы к вечернему спектаклю. Сверху опускались декорации. Подъемные устройства — тельферы — передвигали массивные колонны.

— Руками у нас многое не поднимешь, — улыбнулась Алевтина Ивановна. — Вот хотя бы занавес — весит почти тонну. А кроме основного, есть и другие, например противодумовой. Он опускается в антракте, и зрители не слышат ни голосов, ни механизмов на сцене.

В левом крыле сцены привлек мое внимание пульт с телеэкраном.

— Это, — сказала моя спутница, — пульт ведения спектакля. На экране телевизора режиссер видит дирижера в оркестровой яме и, поглядывая на ноты, время от времени, как пианист, опускает пальцы, правда, не на клавиши, а на кнопки, вызывающая артистов, руководя перустройством сцены, движениями декораций, всевозможными эффектами. Команды с пульта осуществляют технические службы.

И вот мы в помещении, где рождаются многие театральные таинства. Повсюду надписи: «Панорамы», «Монорельсы», «Штанкетные подъемы», «Круг», «Занавес», «Люки», «Полеты» и другие. Это хозяйство электромеханического цеха.

— Перед взором зрителей, — объясняет заместитель начальника цеха В. А. Лощак, — поворачивается башня морского корабля в «Оптимистической трагедии», раздвигаются стены крепости в «Неизвестном солдате», происходит затмение Солнца в «Князе Игоре», плывет лодка в «Садко», хотя на самом деле она стоит на месте, а движутся декорации... На каждый спектакль составляются специальные инженерные программы. Но здесь, в этих помещениях, лишь само управление, а механизмы расположены в другом месте. Хотите посмотреть?

Один из семи лифтов помчал нас к самому куполу. Под массивными металлическими балками на широкой площадке, словно жернова старинной мельницы, возвышаются колеса с тросами.

Механизмы возводят замки и горы, способны создавать на сцене столько картин, сколько придет в голову постановщику.

С «седьмого неба» я опустился прямо в подземелье. Это современный «хладокомбинат».

— Чтобы он стал таким, — рассказывает начальник цеха кондиционирования Г. А. Супрун, — были пробурены три артезианские скважины, и под площадью Свердлова, на глубине одиннадцати с лишним метров, создан хладоцентр — своеобразный подземный завод с машинными отделениями, фреоновыми компрессорами и другим оборудованием.

Почти 400 кубических метров воды в час требуется для создания постоянного микроклимата. Целая подземная река! Управление ею ведется из театра с центрального автоматизированного пульта. Здесь же рождаются фонтаны и водопады, искусственные пожары и другие эффекты. «Пожары» — сравнительно несложное дело. Для этого применяется пар, подсвеченный красным светом. Но легко сказать «применяется!» Чтобы «пожар» получился «настоящий», нужна выдумка.

Инженерная помощь искусству стала нормой. Вот почему здание театра преобладает многопалубным кораблем со сложной механикой, электротехникой, автоматикой, электроникой, системами радио- и телевизионной связи. Управлять такой техникой могут только высокоарудированные специалисты.

В. ЖУРАВЛЕВ.